

RU

Морфогенез образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных загадках

Доброва С. И.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности морфогенеза образного параллелизма макрокосма и микрокосма через призму типологизации структурно-семантических модификаций приема, отражающих динамику народного мировосприятия. Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем на материале более 15000 текстов русских народных загадок из авторитетных в научном отношении собраний энигматических текстов в русле ключевой для современного языкознания идеи антропоцентричности языка впервые проведен системный сопоставительный анализ основных этапов морфогенеза художественной микросистемы образного параллелизма макро- и микрокосма, выявлены закономерности и этапы формообразования структурно-семантических модификаций приема, отражающих динамические процессы в языке фольклора и художественном мышлении народа. В результате доказано, что разработанная на материале загадок типология образного параллелизма отражает морфогенез приема; определены идентификационные показатели трех основных этапов развития структурно-семантических модификаций приема: параллелизм, реализующийся на основе одной из композиционных частей загадки; параллелизм образов двух композиционных частей загадки; сочетание первых двух типов параллелизма, демонстрирующее эволюционное перерастание образной диады в образную триаду и формирующее символическую стереоскопию образов как результат эволюционных процессов, реализованных в границах исследуемого приема.

EN

Morphogenesis of Macroand Microcosm Figurative Parallelism in Russian Folk Riddles

Dobrova S. I.

Abstract. The aim of the study is to determine the features of the morphogenesis of macrocosm and microcosm figurative parallelism through the prism of the typology of structural and semantic modifications of the device, reflecting the dynamics of the people's worldview. The scientific novelty of the study is due to the fact that, based on the material of more than 15,000 texts of the Russian folk riddles from scientifically authoritative collections of enigmatic texts, in line with the key idea for modern linguistics of the language anthropocentricity, a systematic comparative analysis of the main stages of the morphogenesis of the artistic microsystem of macro- and microcosm figurative parallelism has been carried out for the first time; regularities and stages of forming structural and semantic modifications of the device, reflecting dynamic processes in the language of folklore and artistic thinking of the people, are revealed. As a result, it is proved that the typology of figurative parallelism developed on the basis of riddles reflects the morphogenesis of the device; the identifying indicators of three main stages in the development of structural and semantic modifications of the device are determined: parallelism, which is realized on the basis of one of the compositional parts of the riddle; parallelism of images of two compositional parts of the riddle; a combination of the first two types of parallelism, demonstrating the evolutionary development of a figurative dyad into a figurative triad and forming a symbolic stereoscopy of images as a result of evolutionary processes implemented within the boundaries of the device under study.

Введение

Актуальность темы обусловлена направленностью исследования эволюции художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия на решение значимых для ведущей в современном языкознании антропоцентрической научной парадигмы проблем взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры

на разных этапах развития этноса. Потребность в системном изучении динамических процессов в языке фольклора и художественном мышлении народа и в обобщении имеющихся научных достижений может быть удовлетворена разработкой единой комплексной эволюционно-генетической теории развития концептуальных и языковых основ образного параллелизма макро- и микрокосма, которая включает три базовых компонента: эволюционную семиологию (семиогенез), эволюционную морфологию (морфогенез) и эволюционную концептологию (концептогенез) приема с учетом системных характеристик его развития (системогенеза). Исследование эволюции морфологических основ образного параллелизма макро- и микрокосма как части единой эволюционно-генетической теории развития приема произведено в русле ключевой для современного языкознания идеи антропоцентричности языка. Эволюционная морфология приема изучает закономерности формообразования, характер морфогенеза образного параллелизма макро- и микрокосма: эволюцию типов символической образности, сформированных в границах приема (образы-символы, символические действия и символические картины); эволюцию структурно-семантических модификаций приема; эволюцию моделей соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной. Актуальность исследования морфогенеза одной из ведущих художественных форм фольклора на материале развития структурно-семантических модификаций образного параллелизма макро- и микрокосма в жанре загадки определяется привлечением большого объема фольклорного материала, расширенным спектром его теоретического осмысления и практического анализа в соответствии с такими современными принципами изучения языка, как антропоцентричность и текстоцентричность, обуславливается интересом современной сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористики к проблемам изучения динамических процессов в языке фольклора и художественном мышлении народа, а также сформулированными А. Н. Веселовским (1940) идеями, в которых ученый, открывший в науке исследуемый прием, выражает свое отношение к перспективам его эволюции: «Если... ценность и полнота выражаемой объектом жизненности способствует **такому именно развитию**, то нет возможности предположить, чтобы оно иссякло и остановилось: видимый мир постепенно раскрывается для нашего сознания...» (с. 129).

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, разработать типологию структурно-семантических модификаций образного параллелизма в жанре загадки; во-вторых, исследовать морфогенез образного параллелизма на основе определения и анализа идентификационных показателей трех основных этапов развития структурно-семантических модификаций приема в исследуемом жанре; в-третьих, определить статус подвергнутых анализу построений в единой эволюционно-генетической теории развития концептуальных и языковых основ образного параллелизма.

В статье применяются следующие методы исследования: разработана и апробирована инновационная методика комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора на материале образного параллелизма макро- и микрокосма как одного из универсальных композиционных принципов организации фольклорных текстов разных жанров с учетом неоднородности и многослойности фольклорно-языковой субстанции, сохраняющей в синхронном срезе различные этапы постижения мира этносом, отражающей диахронию в синхронии (Доброва, 2004; 2022). С помощью системного подхода обеспечивается комплексное многоаспектное описание эволюционной морфологии (морфогенеза) образного параллелизма как одного из базовых компонентов единой эволюционно-генетической теории развития приема.

Теоретической базой исследования послужил критический анализ классической и новейшей научной литературы по заявленной теме, который свидетельствует о признании неразрывной и разносторонней связи образного параллелизма макро- и микрокосма с фольклорным жанром загадки и обосновывает релевантность изучения на материале энигматических текстов основных этапов развития морфологических основ приема.

Происхождение загадки обусловлено реализацией иносказательного способа выражения мысли. Ф. И. Буслаяв (1861) относил энигматические тексты к «древнейшему периоду первых проблесков человеческого ума» (с. 129). Загадки обнаруживают связь с архаическим ритуалом, моделирующим преодоление хаоса и гармонизацию состава мира, являются одновременно и продуктом, и инструментом языковой категоризации и концептуализации мира.

Связь энигматических текстов, имеющих жанроопределяющую двучастную структуру (Денисова, 2008, с. 13), с параллелизмом макро- и микромиров отмечалась многими исследователями, поскольку загадки представляют собой способ языкового кодирования мира и требуют расшифровки закодированной информации (Капица, 2002, с. 156): образ одного из параллельных миров кодирует информацию в тексте загадки, образ другого расшифровывает ее в ответе.

А. Н. Веселовский (1940) выявил в загадках наличие отрицательного параллелизма. А. П. Квятковский (1966) определил, что загадка «строится обычно на принципе... затрудненного параллелизма» (с. 110-111). Диалогическая вопросно-ответная форма загадки переключается с межрепликовым параллелизмом (Черноусова, 2015, с. 44). Способы и последовательность загадывания позволяют выявить в загадке разновидность концентрического параллелизма. Последовательность тематических групп образов затрудненного параллелизма в загадках воспроизводит «порядок загадывания загадок постепенно расширяющимися концентрическими кругами» (Аникин, 1957, с. 162), отражает степень удаленности разных явлений мироздания от человека, указывает направление эволюционного вектора от разнообразных образов микрокосма к не менее разнообразным образам макрокосма: сначала человек и функции частей его тела, одежда, затем дом и все, что в нем находится, потом двор, огород, сад, паша, поле и далее все неисчерпаемое многообразие природного мира. Образы, расположенные ближе к микрокосмическому центру, квалифицируются как символизируемое,

образы, расположенные ближе к макрокосмической периферии, – как символизирующее. Впервые через призму подходов лингвистики фольклорного текста изучена текстообразующая функция образного параллелизма в русских народных загадках (Доброва, 2022).

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной научными трудами, в которых основные идеи исследователей определялись тезисом о возникновении загадки как вербализованного опыта определения феноменов Макрокосмоса через антропоцентрические феномены Микрокосмоса (Елизаренкова, Топоров, 1984, с. 14-46). Загадка квалифицирована как эволюционирующее культурно-языковое явление, которое отражает новый этап во взаимоотношениях человека и мира, новые способы его познания и освоения (Топоров, 1999, с. 54-55). Опыт определения мироустройства на основе соотношения образов параллельных миров отражает эволюцию художественного мышления этноса от образной диады к образной триаде. В целом соотношение «человек – вселенная» характерно для самых ранних форм становления загадки как текста, в процессе эволюции диада сменяется триадой «человек – артефакт – вселенная» (Исследования в области..., 1999, с. 5). Обозначенное научное положение докажем на материале анализа трех основных этапов эволюции морфологических основ образного параллелизма в жанре загадки.

Исследование проводилось на материале более 15000 загадок, извлеченных методом сплошной выборки из авторитетных в научном отношении собраний энигматических текстов (Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х т. М.: Тип. Грачева и К°, 1865. Т. 1; Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: в 2-х ч. М.: Типо-литогр. С. П. Архипова и К°, 1878. Ч. 2. Народная словесность; Загадки / сост. В. В. Митрофанова. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1968; Загадки, приветствия при встрече, шутки и острооты крестьян Вологодской губернии // Живая старина. 1903. Вып. III; Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. М.: Современный писатель, 1995; Капица Ф. С. Русский детский фольклор. М.: Флинта; Наука, 2002; Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки: хрестоматия / сост. В. Н. Морохин. М.: Высшая школа, 1979. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986; Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л.: Наука, 1978; Рыбникова М. А. Загадки. М. – Л.: Академия, 1932; Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым: в 2-х кн. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1885. Кн. 1. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи; Худяков И. А. Великорусские загадки. М.: Тип. Грачева и К, 1861).

Практическая значимость полученных результатов исследования определяется возможностью их использования при подготовке лекционных и практических курсов по основным проблемам современной русистики, спецкурсов и спецсеминаров по изучению языка фольклора, устному народному творчеству. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных и учебно-методических пособий по сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористике, фольклористике, лингвокультурологии, этнолингвистике. Работа предназначена оказать действенную помощь нашему современнику, который открывает для себя мир народного творчества, народной культуры, в полноценном освоении неисчерпаемого богатства предшествующих поколений, запечатленного в динамической субстанции языка фольклорных произведений.

Основная часть

Загадка представляет отображение миров через тождество (Исследования в области..., 1994, с. 6), которое строится на осознании единства макромира и микромира и по сути своей демонстрирует единственное при таком взгляде на мир орудие его постижения: познание через сопоставление на основе параллелизма представлений (Веселовский, 1940). Загадка, отражающая «единство в расчлененном целом и всю Вселенную в разъятых ее частях» (Исследования в области..., 1994, с. 9), не только интерпретирует, но и объединяет мир. Семиотическая вертикаль образного параллелизма на уровне гипертемы, интегрирующей символическую и реальную композиционные части приема, образно воплощает на уровне культурных смыслов идею объединения макро- и микромиров (о теории гипертемы и характере эволюции семиотических основ приема см. (Доброва, 2022)).

На основе исследуемого корпуса текстов выявлены три типа образного параллелизма, которые позволяют отследить три основных этапа морфогенеза (эволюции морфологических основ приема): параллелизм, реализующийся на основе одной из композиционных частей загадки; параллелизм образов двух композиционных частей загадки; сочетание первых двух типов параллелизма.

Первый тип образного параллелизма имеет общефольклорный характер, зафиксирован в различных фольклорных жанрах и не выполняется в загадке текстообразующей функции. **Гипертемой первого типа** является **означивание явления**. Образы макрокосма являются символами, а микрокосма – символизируемыми. Композиционные части загадки – текст загадки и разгадка – не представляют параллелизма миров. На основе параллелизма строится одна из композиционных составляющих загадки или ее часть.

В исследуемых построениях представлены все ведущие линии развития приема: классический параллелизм, его трансформация и формализация (Доброва, 2004). Обозначенные эволюционные векторы дифференцируются в отношении композиционных частей энигматического текста и по-разному реализуются в частях приема:

в тексте загадки представлены все линии развития за исключением нерелевантного для загадки пластического преобразования образов символической и реальной параллелей, в разгадке – только формализация приема.

Текст загадки организуется на основе классического образного параллелизма, которому свойственна автономность образов макро- и микромиров, репрезентирующих реальные свойства соответствующих денотатов (Головачева, 1988, с. 121): «*Вода брызгается, / Борода трясется. – Мельница*» (Малые жанры..., 1979, с. 205); «*Не куст, а с листочками, / не рубашка, а шита, / не человек, а рассказывает.* – Книга» (Рыбникова, 1932, с. 99, № 403).

Трансформация классического параллелизма на уровне формы представлена в тексте загадки антропоморфизацией образов символической параллели, при которой образы макромиров наделяются характеристиками и способностями производить действия, свойственные образам микромиров, что получает свое воплощение в том числе в тождестве функциональных компонентов частей приема: «*Деревни, города спят, / один бабай не спит.* – Месяц» (Рыбникова, 1932, с. 171, № 4).

В тексте загадки не выявлены примеры трансформации классического параллелизма на уровне формы в части пластического преобразования образов макро- и микромиров, отличающегося репрезентацией представителя одного мира через призму восприятия представителя другого мира. Указанные структурно-семантические модификации параллелизма нерелевантны для образного представления загадочного предмета.

В тексте загадки зафиксирована трансформация классического параллелизма на уровне содержания с параллелизмом образов микромира, для которого характерна репрезентация человека в его физической и духовной ипостасях в обеих параллелях приема: «*Ходит без ног, / Рукава без рук, / Уста без речи.* – Тень» (Малые жанры..., 1986, с. 302).

Текст загадки организуется на основе формализованных структурно-семантических модификаций приема: выявлены параллелизмы-биномы «*Батюшка-шатеръ, матушка-ладья, сынки-хватки, девушки-полизушки.* – Овинъ, гумно, цепи и метлы» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 484, № 69).

Структурной основой формирования параллелизма в **отгадках** становится наличие у одной загадки вариантов ответа (Митрофанова, 1978, с. 56). В результате создаются формализованные параллелизмы с номинативными перечнями в их минимальном компонентном составе «*бумага – писец*»: «*Ни небо, ни земля, / Видом светла, / Садятся на ней / Темнообразные птицы, / Две созирают, / Две сожидают, / Одна повелевает.* – *Бумага и писец*» (Малые жанры..., 1986, с. 300); в их многокомпонентном составе «*ель, крокодил – нос пьяницы*»: «*Зимой и летом одним цветом. – Ель, крокодил, нос пьяницы*» (Бартюкова, 1990, с. 14, № 11). В ответе энигматического текста выявлены параллелизмы-перечни, восходящие к содержательной трансформации приема с параллелизмом природных и артефактных образов макрокосма «*гром – церковь*»: «*Заржал жеребец / на сияновой горе / (на высокой земле) / услышали кобылы / на сырой земле. – Гром или церковь*» (Рыбникова, 1932, с. 171, № 1). Отмечен имплицитный параллелизм образов макромиров при сопоставлении разных текстов «*натурфакт (сук) – артефакт (помело)*» в разгадке: «*Что въ углу за медвежья лапа. – Помело*» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 484, № 84); «*Что въ избе за медвежий глазъ. – Сучекъ*» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 485, № 109).

Выявлены примеры, в которых каждая часть энигматического текста построена по принципу образного параллелизма. Подобные построения отличает неодинаковое оформление композиционных составляющих загадки на основе разных структурно-семантических модификаций образного параллелизма с разнообразными моделями их корреляции в границах энигматического текста: текст загадки содержит классическую разновидность приема, разгадка – параллелизм-перечень: «*Деревьяшка везетъ, сечка сечетъ, самъ Романъ поворачиваетъ. Сечки секутъ, деревьяшки везутъ, самъ Мартынь поварачиваетъ. – Зубы, ложка, языкъ*» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 483, № 41); текст загадки построен по принципу параллелизма-бинома, а разгадка – по принципу параллелизма-перечня: «*Батюшка-шатеръ, матушка-ладья, сынки-хватки, девушки-полизушки. – Овинъ, гумно, цепи и метлы*» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 484, № 69) и др.

Широкое распространение в корпусе исследуемых текстов демонстрируют разновидности, в которых на основе образного параллелизма организована **часть текста загадки**.

В части текста загадки выявлен классический параллелизм: «*Стоит село, / Все заселено, / По утрам петухи поют, / А люди не встают.* – Кладбище» (Аникин, 1957, с. 193, № 245).

В части текста загадки отмечены трансформированные на уровне формы структурно-семантические модификации приема с антропоморфизацией образов символической параллели: «*Дом шумит, / Хозяева молчат; / Пришли люди, / Хозяев забрали; / Дом в окошки ушел. – Вода, рыба, рыбаки, невод*» (Аникин, 1957, с. 182-183, № 164).

Как и в разновидностях загадок, в которых одна из частей полностью строится на основе приема параллелизма, не выявлены примеры пластического преобразования образов макро- и микромиров в части текста загадки.

Для части текста загадки характерна содержательная трансформация приема с образным параллелизмом в сфере человеческого микрокосма, которая отличается введением в обе параллели образа человека в его физической и духовной ипостасях: «*Живет без тела, / Говорит без языка, / Никто его не видит, / А всякий слышит.* – Эхо» (Малые жанры..., 1986, с. 302).

В части текста загадки зафиксирована формула заместительного обмена объектами как особая разновидность содержательной трансформации приема: «*Летела птичка / из-за чиста поля, / садилась на престол / и говорила со Христом: / "Не едай мне, птичке, / во синем море рыбки, / ни в чистом поле утки; / едай мне, птичке, / быка – оленя / да молодого младеня".* – Овод» (Рыбникова, 1932, с. 110, № 43-44).

Формализованные структурно-семантические модификации образного параллелизма части текста загадки представлены рядом параллельных построений: параллелизмом придаточных частей сложноподчиненной

конструкции на основе классической разновидности приема: «Где находится небо, на котором *ангелы не пьют и звезды не блистают?* – Во рту» (Аникин, 1957, с. 196, № 258); параллелизмом частей сложноподчиненной конструкции «*кто..., тот...*» на основе содержательной трансформации приема с параллелизмом внешнего и внутреннего действий: «*Лежит барыня на палатах / Вся в платьях, / Кто ни глянет – / Тот заплачет.* – Лук в зимнее время» (Малые жанры..., 1979, с. 209). Часть текста загадки организуется по принципу параллелизма сравнений с образами макро- и микромиров «*Бог – царь*»: «*Что меньше Бога, а больше царя?* – Смерть» (Ефименко, 1978, с. 238, № 12); с образами макромиров «*жук, лук – бес*»: «*Черна, как жук, / зелена, как лук, / вертится, как бес, / повертка в лес.* – Сорока» (Рыбникова, 1932, с. 14). Выявлены структурно-семантические модификации параллелизма части монопредикативной конструкции: «*На бору, на яру / Стоит мужичок – / Красный колпачок.* – Мухомор» (Аникин, 1957, с. 184, № 173); «*Дерву-подерву по Герасимову горлу, во белому сукоцу, по бархатцу.* – Подъемная рама» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 485, № 107). В части текста загадки реализован троичный параллелизм: «*Заря-зарница, / Красная девица. / По миру (по свету) ходила, / Слезы (ключи) обронила; / Месяц видел, / Солнце скрало.* – Роса» (Аникин, 1957, с. 188, № 207). Разнообразно представлены параллелизмы с акциональными перечнями: «*Пучеглазая глядит, / по-французски говорит, / по-блошиному скачет, / по-человечьи плачет.* – Лягушка» (Рыбникова, 1932, с. 252, № 263); с номинативными перечнями загадочных предметов: «*Что общего между мусорной ямой и придворной дамой.* – Обе при дворе» (Рыбникова, 1932, с. 100, № 419); с перечнями атрибутивных параметров: «*Черные, кривые, от рожденья все немые.* – Буквы» (Малые жанры..., 1986, с. 268); с соматическими параллелизмами – перечнями физических и духовных параметров человеческого тела: «*Ни тело, ни дух, / А с крыльями вокруг, / К кому подлечу, / Как раз научу.* – Ум» (Малые жанры..., 1979, с. 202).

Часть текста загадки разнообразно реализует взаимосвязь образного параллелизма макро- и микромиров с горизонтальными и вертикальными конструкциями фольклорных фразеологизмов (Хроленко, 1981): общефольклорными разновидностями параллелизмов-биномов: «*Матушкой-весной в платьице цветном. Матушкой-зимой в саване одном.* – Поле» (Капица, 2002, с. 162); «*Криво-лукаво / К лесу бежало; / Зелено-кудряво / Спрашивало: / “Криво-лукаво! / Куда побежало?” / – “Зелено-кудряво, / Тебя стеречи”.* – Изгородь в поле» (Аникин, 1957, с. 177, № 121); образным параллелизмом в составе счетных рядов: «*С одного дерева / Да четыре угодя: Первое – от темной ночи свет, / Второе – некопанный колодец, / Третье – старому здоровью, / Четвертое – разбитому связь.* – Береза: 1 – лучина, 2 – сок, 3 – веник, 4 – береста для оплетения горшка» (Малые жанры..., 1986, с. 303); образным параллелизмом с акциональными перечнями в составе ассоциативного ряда числительных «*два, два, пятый, шестой, седьмой*»: «*Два стоят, / два лежат, / пятый ходит, / шестой водит, / седьмой песенки поет.* – Дверь» (Рыбникова, 1932, с. 105, № 453), в составе счетного ряда «*один, другой, третий*»: «*Один льет, / другой пьет, / а третий растет.* – Дождь, земля, рожь» (Рыбникова, 1932, с. 108, № 14).

В части текста загадки на основе сопоставления разных текстов выявлен имплицитный параллелизм с образами макрокосма «*хвост – кол*», «*человек с хвостом – крыса*» и «*человек с колом – мышь*»: «*Под мостом-мостом / стоит барышня с хвостом.* – Крыса» (Рыбникова, 1932, с. 104, № 444-445); «*Подъ полоть, полоть ходить (или: сидеть) барыня съ коломъ.* – Мышь» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 486, № 154).

В исследуемом корпусе текстов не выявлен параллелизм **части разгадки** в силу однословного выражения реальной параллели энigmatического текста.

Второй тип представляет параллелизм образов двух композиционных частей энigmatического текста и выполняет специфическую для загадки текстообразующую функцию.

Структурная асимметрия параллелей в связи с однословным выражением отгадки определяет их слитность на уровне **гипертемы второго типа**: такие параллелизмы во всех разновидностях имеют единую **гипертему означивания не отдельного предмета или явления, а связи двух загадочных предметов**. Предмет одного мира как образная часть загадки является знаком предмета другого мира как ответа и толкования знака. Структурное соотношение предложения (текста загадки) и слова (ответа) фактически является инверсией пословиц и афоризмов, в основу которых положен «бинарный инфиксный предикатор, преобразующий имя в предложении» («*Глупость – мантия плутовства*» У. Блейк «Пословицы Ада») (Кривенко, 1999, с. 146).

В эволюционно-генетической теории развития образного параллелизма исследуемый тип построений, который А. П. Квятковский (1966) назвал затрудненным параллелизмом, репрезентирует формализацию приема как особую линию его эволюции.

Единая гипертема означивания **связи** загадочных предметов определяет различие функций композиционных частей: текст загадки (левая часть) представляет собой символическую параллель как означающее, отгадка (правая часть) – реальную параллель приема как означаемое. При этом образы макро- и микромиров принципиально не имеют строгой закреплённости за той или иной композиционной частью фольклорного текста.

Исследование формализованной разновидности в загадке учитывает **общефольклорную закономерность кумулятивного эффекта эволюции приема**, согласно которой формализация во всех фольклорных жанрах осуществляется на основе классических и трансформированных разновидностей приема. Жанр загадки подтверждает выявленную фольклорную закономерность.

Определены две основные разновидности указанного типа параллелизма, которые дифференцируются по функциональному назначению макро- и микрокосмических образов параллельных миров. В первой разновидности символическая параллель приема представлена образами макромира (натурфактами и артефактами), а реальная – образами микромира. Во второй разновидности символическая параллель приема представлена образами микромира, а реальная – образами макромира (натурфактами и артефактами).

Наиболее распространена формализация приема на основе классического параллелизма «*натурфакт/артефакт* (макрокосм) – *человек/соматизм* (микрокосм)»: «*Лежит в подполье / мокренький теленочек. – Язык*» (Рыбникова, 1932, с. 173, № 37); «*человек/соматизм* (микрокосм) – *натурфакт/артефакт* (макрокосм)»: «*Красная девушка / По небу ходит. – Солнце*» (Аникин, 1957, с. 189, № 214).

Выявлены разновидности с антропоморфизацией образов символической параллели: «*Сидит птица без крыльев, без хвоста, куда ни взглянет – правду скажет. – Глаза*» (Афанасьев, 1865, с. 164-165); «*Свинья понура, / хвостом махнула. / Лесы пали, / горы стали. – Сенокос*» (Рыбникова, 1932, с. 175, № 68).

Зафиксирована свойственная жанру загадки разновидность параллелизма, в границах которого с целью создания символического кода реализуется условное наделение человека признаками природного объекта или условно-фантастическими, нереальными для него свойствами: «*В брюхе – баня, / В носу – решето, / На голове – пупок, / Всего одна рука, / И та – на спине. – Чайник*» (Аникин, 1957, с. 169, № 62). Исследуемая разновидность представлена парными образами-символами в параллелизме «*хозяин и пастух – солнце и месяц*»: «*Золот хозяин – на поле, / Серебрян пастух – с поля. – Солнце и месяц*» (Загадки, 1968, № 129). В границах приема человек условно наделяется способностью выполнять несвойственные ему действия: «*Мать детей сосет. – Река и впадающие в нее ручейки*» (Загадки, 1968, № 475).

Широко распространена формализация приема на основе пластики образов микромира. Загадочный макрообъект в обозначенном контексте не видоизменяется. В качестве символизирующего выступает человек без конечностей, головы, языка или с непропорциональными частями тела: «*Старая старуха / Без ног, без рук – / На стенку лезет. – Пыль*» (Малые жанры..., 1986, с. 208); «*Сам худ, / А голова с пуд. – Безмен*» (Малые жанры..., 1986, с. 303).

Большим количеством примеров представлена содержательная трансформация с введением человека в обе части приема – «*поле, семя – письмо*»: «*Белое поле, / Черное семя, / Кто его сеет, тот разумеет. – Письмо*» (Малые жанры..., 1986, с. 303).

Отмечены параллелизмы с образами природных и артефактных макромиров: «*Изба белена, а маковка зелена. – Береза*» (Загадки, 1968, № 1730). Сопоставляются сверхъестественный персонаж в тексте загадки и артефакт или натурфакт в разгадке: «*Баба-яга железная нога, весь мир кормит, сама голодна. – Соха*» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 483, № 63). К параллелизму образов макромира примыкает условно-фантастическое моделирование природных и артефактных образов символической картины: «*Овца в корове. – Чулок в ботинке*» (Рыбникова, 1932, с. 14). В формализованном параллелизме, построенном на основе содержательной трансформации приема с образами макромира, осуществляется условное наделение образов натурфактов свойствами артефактов: «*Поле хрустальное, межа деревянная. – Рама*» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 485, № 106).

Выявлен параллелизм в сфере человеческого микрокосмоса: «*Белые силачи рубят калачи, / Красины говорун подкладывает. – Зубы и язык*» (Загадки, 1968, № 1513).

Эволюционная ветвь формализации приема проявляется в сопоставлении части текста загадки с ответом: «*Что въ углу за медвежья лапа. – Помело*» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 484, № 84).

Третий тип представляет **сочетание** в границах одного энигматического текста образных параллелизмов, выполняющих текстообразующую функцию и не выполняющих текстообразующей функции. Кумулятивный эффект развития приема получает воплощение в формировании и реализации эволюционной триады образов загадки «*натурфакт – человек – артефакт*». Исследуемая разновидность отличается самым широким спектром формирующихся в границах загадки символических параллельных связей, поскольку представлена сочетанием параллелизма композиционных частей загадки (текста загадки или его части и отгадки) и параллелизма в одной из композиционных частей загадки (как правило, в тексте загадки или ее части, реже – в отгадке).

Стереоскопия параллельных образов обеспечивается мультиплицированием ряда символических сопоставлений в загадке: параллелизмов с гипертемой первого типа (условное обозначение « – »), локализующихся в одной из композиционных частей загадки: в тексте загадки или ее части, реже – в ответе, при этом параллелизм первого типа может быть осложнен наличием дополнительной параллели или нескольких построений с параллелизмом первого типа, представлен имплицитным выражением при сопоставлении разных текстов (условное обозначение « : ») и параллелизмов с гипертемой второго типа (условное обозначение « = »), локализующихся в тексте загадки и ответе. Гипертема первого типа предполагает свободную закрепленность образов макро- и микромиров за левой или правой частью приема при константном микрокосмическом символизируемом/означаемом.

Эволюционная диада, построенная по структурно-семантической модификации параллелизма третьего типа «*натурфакт – человек – натурфакт*» в загадках с ответами *морковь* и *репа*, которые отражают сходство внешнего вида и строения растений: «*Красна, да не девка, / Хвостата, да не мышь. – Морковь*» (Загадки, 1968, № 2573) – перерастает в эволюционную триаду «*натурфакт – человек : артефакт – человек = натурфакт*»: «*Кругла, да не денга, / Красна, да не девка, / С хвостом, да не мышь. – Репа*» (Загадки, 1968, № 2619).

В исследуемом корпусе текстов обнаружены **типичные модели соотношения параллелизмов первого и второго типа в загадках**.

Первая разновидность модели соотношения: параллелизм первого типа локализуется в тексте загадки, параллелизм второго типа локализуется в тексте загадки и ответе. Параллелизм первого типа локализуется в границах параллелизма второго типа и составляет его часть. Стереоскопия образов обуславливает образование в границах параллельного построения внутренней гипертемы, эксплицированной в композиционной части приема, которая представляет собой ответ загадки.

Структурная инвариантная модель параллелизма третьего типа «натурфакт – человек = артефакт» – «утка, берег – человек = церковь»: «Утка крикня, / Берег звякня, / Детки бегут, / По свечке несут. – Церковь» (Худяков, 1861, с. 79, № 664).

Введение в текст загадки дополнительной образной параллели увеличивает количество формирующихся символических связей – «хлопок – человек : тело – душа = свеча»: «Тело белое, душа – хлопок. – Свеча» (Малые жанры..., 1986, с. 370); «куст – человек : рубашка – человек = книга»: «Не куст, а с листочками, / не рубашка, а сшита, / не человек, а рассказывает. – Книга» (Рыбникова, 1932, с. 99, № 403).

Исследуемые построения могут иметь имплицитное воплощение на уровне сопоставления разных загадок, объединенных одинаковым ответом: «натурфакт : человек = артефакт» – «поросята : монахи, ребята = матица и бревно»: «Несколько поросят / одну матку сосут. – Матица и бревно» (Рыбникова, 1932, с. 312, № 938); «Семьдесят монахов / на одной подушке спят. – Матица и бревно» (Рыбникова, 1932, с. 312, № 939); «Семьдесят ребят / на одной кобыле палат. – Матица и бревно» (Рыбникова, 1932, с. 312, № 940); на уровне сопоставления разных загадок, объединенных одинаковой образной частью загадки и/или одинаковым ответом: «натурфакт : человек = натурфакт : артефакт» – «утка, рыба : мать, сестрица, девица = морковь : ковш, матица»: «Утка в море, / хвост на угоре. – Ковш» (Рыбникова, 1932, с. 118, № 165); «Рыба в море, / Хвост на заборе. – Ковшик» (Аникин, 1957, с. 169, № 59); «Сестрица сидит в темнице, коса же ее наверху. – Морковь» (Малые жанры..., 1986, с. 322); «Красна девица / Сидит в темнице, / А коса наружу. – Морковь» (Аникин, 1957, с. 175, № 107); «Мать в избе – / рукава наружу. – Матица» (Рыбникова, 1932, с. 312, № 932).

Выявлена структурная инвариантная модель параллелизма третьего типа «артефакт – человек = натурфакт» – «бочка – человек = свинья с поросятами»: «Бочка стонет, бояре пьют. – Свинья с поросятами» (Загадки русского народа..., 1995, № 885); «окна, двери – человек = яблоко»: «Без окошек, без дверей – шестеро людей. – Яблоко» (Загадки, 1968, № 1819); «рубашка – человек = огонь свечи»: «Сам наг, / Рубашка в пазушке; / Сам бел, / Детки красны. – Свеча и огонь» (Сказания русского народа..., 1885, с. 465, № 44). Образы могут сжиматься до состава параллелизмов-биномов – «рубашка – человек = снег»: «Яшка – белая рубашка. – Снег» (Загадки, 1968, № 374).

Исследуемые построения также имеют имплицитное воплощение на уровне сопоставления разных текстов. Имплицитный параллелизм «артефакт : человек = натурфакт» в загадках, объединенных одинаковым ответом – «брус : молодец = дорога»: «Лежит брус во всю Русь; если бы руки да ноги, то бы встал, да и до неба достал: а если бы рот да глаза, то все рассказал. Или: кабы встал молодец – я бы до неба достал; кабы руки да ноги, я бы вора связал; кабы рот да глаза – я бы все рассказал. – Дорога» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 486, № 178).

В исследуемом корпусе текстов обнаружена структурная инвариантная модель параллелизма третьего типа «натурфакт – человек = сверхъестественный персонаж» – «лес, трава – человек = леший»: «Лесом идет – с лесом ровен, / Травой идет – с травой ровен, / С человеком идет – с человеком ровен. – Леший» (Загадки, 1968, № 1892).

Кумулятивный эффект эволюции приема проявляется в использовании структурно-семантических основ эволюционной триады образов для наполнения ее иным содержанием на основе образов трех различных макромиров в загадке: мира природы, мира мертвых и мира артефактов «артефакт – покойник (мертвый человек) = натурфакт» – «гроб, ладан, свечи – покойник = туча»: «Гроб плывет, мертвец ревет (или поет), ладан пышет, свечи горят. – Туча» (Афанасьев, 1865, с. 579–580).

Вторая разновидность модели соотношения: параллелизм первого типа локализуется в части текста загадки, параллелизм второго типа локализуется в тексте загадки и ответе. В параллелизмах, организованных на основе части текста загадки, внутренняя гипертема не формируется, создается структурная основа для нескольких параллельных построений в тексте загадки. Указанные построения также представляют эволюционную триаду параллельных образов с параллелизмом в каждой из частей загадки: и в образной части, и в ответе. Параллелизм «натурфакт = артефакт – человек» – «птица = бумага – пистец»: «Ни небо, ни земля, / Видом светла, / Садятся на ней / Темнообразные птицы, / Две созирают, / Две сожидают, / Одна повелевает. – Бумага и пистец» (Малые жанры..., 1986, с. 300).

Структурная инвариантная модель параллелизма третьего типа «бог – человек : тело – душа : Адам = артефакт»: «Помер Адам, / Ни богу, ни нам; / Ни душа на небо, / Ни кости в землю. – Глиняный горшок» (Загадки русского народа..., 1995, № 329); «натурфакт – человек : натурфакт = трудовой процесс»: «Прилетела тень на Петров день, села тень на пень, стала тень плакать, волосы вянуть, дубровка шумить. – Косьба» (Загадки, приветствия..., 1903, с. 487, № 203).

Выявлен имплицитный параллелизм на основе сопоставления разных энигматических текстов «артефакт : человек = натурфакт» – «изба : губы = мох»: «Вокруг избы – / золотые вожжи. – Мох» (Рыбникова, 1932, с. 312, № 941); «Вокруг губы – / золотые вожжи. – Мох» (Рыбникова, 1932, с. 312, № 942).

Итак, типология образного параллелизма макро- и микрокосма, разработанная на материале загадок с применением инновационной авторской методики комплексного изучения и системного описания динамических процессов в языке русского фольклора, отражает закономерности, характер и этапы морфогенеза структурно-семантических модификаций приема с учетом неоднородности и многослойности фольклорно-языковой субстанции, сохраняющей в синхронном срезе различные этапы постижения мира этносом. Этапы развития структурно-семантических модификаций образного параллелизма демонстрируют реализацию кумулятивного эффекта эволюции приема. Сочетание параллелизма образов одной из частей загадки и параллелизма образов двух композиционных частей загадки показывает эволюционное перерастание образной диады «человек – вселенная» в образную триаду «человек – артефакт – вселенная» и формирование символической стереоскопии образов как результат эволюционных процессов, реализованных в границах исследуемого приема.

Заключение

Проведенный на материале русских народных загадок разноаспектный анализ морфогенеза образного параллелизма макро- и микрокосма позволяет сделать следующие выводы.

Эволюционный аспект структурно-семантических разновидностей образного параллелизма, отражающий эволюцию морфологических основ исследуемого приема, определяется по ряду показателей.

1. Первичность общенародного параллелизма первого типа с **гипертемой означивания явления** генетически связана с изначальным функционированием образов макрокосма в качестве символа, а образов микрокосма – в качестве символизируемого.

2. Свобода локализации образов миров в частях приема, обусловленная их симметричной связью с единой для обеих частей гипертемой, подготавливает основу для реализации текстообразующей функции в жанрово детерминированном параллелизме второго типа: в загадках с символизирующим в образной части и символизируемым в ответе.

3. Следствием формирования параллелизмов второго типа с гипертемой **означивания связи предметов** становится развитие у образов параллельных миров **вторичного свойства многофункциональности**, при котором макро- и микрокосмические образы могут выполнять функцию и означающего, и означаемого. Выполнение параллелизмом второго типа текстообразующей функции отражает **подчинение приема параллелизма миров жанровым интенциям текста**.

4. Соединение в одном тексте двух первых типов параллелизма отражает формирование **эволюционной стереоскопической триады символических образов вселенной, человека и артефактов**. Кумулятивный эффект эволюции приема проявляется в преддверии развития образной триады уже в параллелизмах первого типа на уровне структурных показателей (развитие дополнительных образных параллелей) и содержательных показателей (привлечение в круг символических сопоставлений образов артефактов наряду с образами природы и человека). Второй тип параллелизма сохраняет указанные тенденции. В третьем типе параллелизма триада образов системно представлена соответствующими структурными и содержательными показателями оформления приема образного параллелизма.

5. Три выявленных типа образного параллелизма отражают три основных этапа эволюции морфологических основ приема в русской народной загадке.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в применении разработанной автором статьи инновационной методики комплексного изучения и системного описания отражающих эволюцию художественного мышления народа динамических процессов в языке русского фольклора на материале образного параллелизма макро- и микрокосма в других жанрах фольклора и в индивидуально-авторском творчестве с целью разработки единой комплексной эволюционно-генетической теории развития концептуальных и языковых основ образного параллелизма макро- и микрокосма как одной из ведущих художественных форм фольклора.

Источники | References

1. Бартюкова И. Н. Методические рекомендации для студентов педвузов и фольклорного кружка в школе на тему «Методика собирания и изучения современного фольклора детей». Орехово-Зуево, 1990.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2-х т. СПб.: Из типографии товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940.
4. Головачева А. В. Некоторые аспекты отражения картины мира в текстах загадок // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: сб. ст.: в 2-х ч. М., 1988. Ч. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму.
5. Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
6. Доброва С. И. Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (45).
7. Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия: монография. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного педагогического университета, 2004.
8. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремнологические исследования: сб. ст. / сост. и отв. ред. Г. Л. Пермяков. М.: Наука, 1984.
9. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст: монография: в 2-х т. / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1994. Т. 1.
10. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст: монография: в 2-х т. / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1999. Т. 2.
11. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
12. Кривенко А. Б. К вопросу об энигматическом инварианте анафорического текста (АТ) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст: монография: в 2-х т. / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1999. Т. 2.

13. Топоров В. Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст: монография: в 2-х т. / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1999. Т. 2.
14. Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1981.
15. Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности: автореф. дисс. ... д. филол. н. Елец, 2015.

Информация об авторах | Author information

RU**Доброва Светлана Ивановна**¹, к. филол. н., доц.¹ Воронежский государственный педагогический университет**EN****Dobrova Svetlana Ivanovna**¹, PhD¹ Voronezh State Pedagogical University¹ svetdobr@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.02.2023; опубликовано (published): 31.03.2023.

Ключевые слова (keywords): язык фольклора; загадка; эволюция художественных форм фольклора; образный параллелизм макро- и микрокосма; эволюционно-генетическая теория развития образного параллелизма; folklore language; riddle; evolution of artistic forms of folklore; figurative parallelism of macro- and microcosm; evolutionary-genetic theory of figurative parallelism development.